

36
Енисейская

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

11913-52

Справочная ведомость.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

VII
20
3

Подписка принимается
въ Редакціи.

№ 8-9.

Цѣна годовому изданію
съ доставною и пересылкою
пять руб. 50 коп.

1905 года. (22-й годъ). 1-го мая.

О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й.

1.

Указъ Святѣйшаго Правительствующаго
Синода, отъ 1 апрѣля 1883 г. за № 4,
Преосвященному Исаакію, Епископу Ени-
сейскому и Красноярскому, о мѣрахъ къ
предупрежденію случаевъ уклоненія пра-
вославныхъ христіанъ отъ исполненія
Тайнствъ исповѣди и св. причастія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Пра-
вительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго
Оберъ-Прокурора, отъ 23 декабря 1882 г. за № 6472, съ со-
общенною Военнымъ Министромъ вѣдомостью о числѣ новобран-
цевъ, поступившихъ на укомплектованіе частей войскъ въ 10 во-
енныхъ округахъ въ 1881 г. и до поступленія въ военную

службу небывшихъ у исповѣди и св. причастія ни разу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И, по справкѣ, Приказали: Военный Министръ въ дополненіе къ сообщеннымъ въ августѣ 1881 г. свѣдѣніямъ о новобранцахъ, поступившихъ въ войска Варшавскаго военнаго округа и до поступленія на службу ни разу не бывшихъ у исповѣди и св. причастія, препроводилъ къ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору, а послѣдній предложилъ Святѣйшему Синоду, составленную изъ собранныхъ въ Главномъ Штабѣ свѣдѣній вѣдомость о новобранцахъ православнаго исповѣданія, поступившихъ въ 1881 г. на укомплектованіе войскъ 10 военныхъ округовъ, съ показаніемъ: сколько изъ этихъ новобранцевъ не исполнили ни разу во все время нахождения ихъ на родинѣ христіанскаго долга исповѣди и св. причастія, и сколько не было у этихъ Таинствъ отъ одного до пяти лѣтъ. Изъ этой вѣдомости оказывается, что число новобранцевъ, не бывшихъ у исповѣди и св. причастія, простирается до значительной цифры и упадаетъ преимущественно на внутреннія губерніи Россіи. Между тѣмъ при разсмотрѣніи прежде сообщенныхъ Военнымъ Министромъ свѣдѣній о новобранцахъ, поступившихъ въ войска Варшавскаго военнаго округа, Святѣйшій Синодъ, сознавая важность столь прискорбнаго явленія, свидѣтельствующаго о небреженіи многихъ изъ чадъ православной церкви о собственномъ спасеніи, призналъ необходимымъ обратить на это явленіе заботливое вниманіе подлежащихъ Преосвященныхъ, потребовать отъ нихъ свѣдѣнія: по какимъ причинамъ небывшіе у исповѣди и св. причастія изъ новобранцевъ не исполняли сего христіанскаго долга. Изъ доставленныхъ вѣдѣствіе сего нѣкоторыми Преосвященными свѣдѣній оказывается, что большая часть изъ новобранцевъ, поступившихъ въ военную службу изъ небывшихъ у исповѣди и св. причастія, не исполняла сего долга по уклоненію въ расколъ, другіе — не были у исповѣди по причинѣ частыхъ или постоянныхъ отлучекъ изъ мѣстъ ихъ жительства въ другія мѣстности на заработки, или нахождения въ услуженіи у иновѣрцевъ и раскольниковъ, нѣкоторые же ошибочно

внесены въ число небывшихъ у Св. Таинствъ, такъ какъ исполненіе ими христіанскаго долга подтвердилось не только записью по церковнымъ документамъ, но и произведеннымъ разслѣдованіемъ и собственными показаніями возвратившихся уже на родину новобранцевъ, которые при томъ удостовѣрили, что они дали военному начальству неправильные отвѣты о своемъ небытіи у исповѣди или по легкомыслію, или по непониманію предлагавшагося имъ военными властями въ непривычной формѣ вопроса объ исполненіи Таинствъ исповѣди и св. причастія. Въ виду таковыхъ свѣдѣній, доставленныхъ Преосвященными тѣхъ епархій, изъ которыхъ значились поступившіе въ Варшавскій военный округъ, нельзя не придти къ заключенію, что какъ показанное въ прежнемъ сообщеніи число небывшихъ у исповѣди и св. причастія изъ православныхъ лицъ должно уменьшиться, такъ и самый фактъ небытія у исповѣди и св. причастія зависѣлъ не отъ недостатка пастырскаго вліянія духовенства на прихожанъ. Тѣмъ не менѣе Святейшій Синодъ, по поводу нынѣ препровожденной Военнымъ Министеромъ вѣдомости о числѣ новобранцевъ, не бывшихъ у исповѣди и св. причастія, опредѣляетъ: пригласить Епархіальныхъ Преосвященныхъ, чтобы они усугубили обычное напоминаніе приходскому духовенству о его пастырской обязанности нѣлнственнымъ и внимательнымъ совершеніемъ богослуженія и проповѣдью поучать прихожанъ какъ возрастныхъ, такъ и дѣтей, разъясняя имъ значеніе молитвъ, истинъ вѣры и церковныхъ Таинствъ, особливо же Таинствъ исповѣди и св. причастія, дабы никто, по возможности, не оставался въ невѣдѣніи о значеніи, необходимости для православнаго христіанина и о спасительномъ дѣйствіи Св. Таинства тѣла и крови Христовой, особливо же во время Великаго поста со всею пастырскою заботливостью увѣщевали бы молодыхъ людей, подлежащихъ призыву къ воинской повинности, о непремѣнномъ долгѣ приступать къ Таинствамъ исповѣди и св. причастія, — облегчая имъ при томъ всеми способами исполненіе сего долга; о чемъ, для исполненія, и дать знать Синодальнымъ Кон-

торамъ, Епархіальнымъ Преосвященнымъ и главнымъ священникамъ Гвардіи и Гренадеръ, Арміи и Флотовъ печатными указами.

2.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Бывшій псаломщикъ Алексѣй Сташевскій, по прошенію 7 апрѣля сего года, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Чернорѣчинскаго, Ачинскаго уѣзда.

Крестьянинъ Михаилъ Гороховъ, по прошенію, 4-го апрѣля сего года, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто въ церкви села Никольскаго, Ачинскаго уѣзда.

Учитель Николай Силинъ, по прошенію, 9 апрѣля сего года, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Кавказскаго, Минусинскаго уѣзда.

Заштатный псаломщикъ Теодоръ Дубровинъ, по прошенію, 9 апрѣля сего года, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Алтатскаго, Ачинскаго уѣзда.

Псаломщики: села Сабинскаго Александръ Рудаковъ и села Тигрицкаго Кирилль Сеньдемешевъ, по прошенію, 9 апрѣля сего года, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

Въ 1905 году присоединены къ православію: 30 января крестьянинъ Енисейскаго уѣзда, Яланской волости и села, Евѳимій Ивановъ Зеленковъ, 16 лѣтъ, изъ раскола Австрійской секты, съ сохраненіемъ прежняго имени его Евѳимій, и 15 февраля Енисейская мѣщанская жена Людвика Андреева Неробѣлова, римско-католическаго вѣроисповѣданія, 39 лѣтъ, съ нареченіемъ православнаго имени Лидія.

3.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія:

Ачинскаго уѣзда, въ с. с. Покровскомъ, Ново-Александровскомъ, Горбинскомъ; Енисейскаго уѣзда, въ с. с. Чунскомъ, Каменскомъ, Кашино-Шиверскомъ, Чалбышевскомъ, Бунбуйскомъ, при Туруханскомъ соборѣ; Красноярскаго уѣзда, въ с. Съдельниковскомъ; Канскаго уѣзда, въ с. Ношенскомъ; Минус. уѣзда, въ с. Караульно-Острожскомъ.

Діаконскія:

Минусинскаго уѣзда, въ с. Усть-Фыркальскомъ.

Псаломническія:

Ачинскаго уѣзда, въ с. с. Покровскомъ, Горбинскомъ; Енисейскаго уѣзда, въ с. с. Каменскомъ и Городищенскомъ; при Красноярской тюремной церкви; Канскаго уѣзда, въ с. Ношинскомъ; Минусинскаго уѣзда, въ с. Бейскомъ; при Енисейскомъ и Туруханскомъ соборахъ; Красноярскаго уѣзда, въ с. Гляденскомъ.

4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Енисейскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Енисейскій Отдѣлъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества покорнѣйше проситъ настоятелей церквей, при коихъ открыты чтенія о Святой Землѣ, о скорнѣйшемъ доставленіи свѣдѣній о числѣ, мѣстѣ, времени и предметахъ чтеній.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

Изъ пастырской практики сельскаго священника. Многострадальная мать.

Было около часу ночи, когда меня разбудили. Яркія звѣзды мигали на небѣ и мѣсяць заглядывалъ въ окна. Была ясная зимняя ночь. Я всталъ и пошелъ въ кухню. Тамъ меня ждали два мужика въ желтыхъ тулупахъ. Ихъ ноги, завернутыя въ какія то тряпки, обмотанныя сверху веревками и обутыя въ лапти, очевидно, сильно замерзли и они, отогрѣваясь, топтались на мѣстѣ. Одинъ былъ коренастый старикъ съ сѣдою бородой, на которой висѣли ледяныя сосульки, съ большой лысиной на головѣ, типичнымъ южно-русскимъ лицомъ. Другой былъ молодой парень, съ тонкими чертами лица, высокій и стройный; быстрые глаза и углы губъ выдавали въ немъ человѣка твердаго, рѣшительнаго и энергичнаго.

„Благословите, батюшка“, заговорилъ старикъ, и они оба поѣшли подъ благословеніе.

— Что скажете? спросилъ я.

„Да мы до твоей милости, отецъ,—къ больной просимъ“.

— Кто же у васъ боленъ-то?

„Да вотъ matka его, отвѣчалъ старикъ, указывая на молодого.

— А ты самъ-то кто?

Дядя ему, значится, буду“ и онъ снова указалъ на молодого.

— Чѣмъ же больна то она?

„Да ужъ давно больна, не говорила только. Съ тоски должно, не иначе. Двухъ сыновъ у ней въ солдаты берутъ, на войну, вотъ материно сердце-то и не спокойно. Не знаемъ, заста-

немъ ли еще. Лежить и уже почитай вовсе не говорить, еле дыханье слышно. Ужь подь святыя положили“.

Я пошелъ одѣваться.

— Да почему же вы двое то пріѣхали? спросилъ я, саясь въ сани.

„Да вѣдь ночь, батюшка, страшно одному-то. Дорога-то вона какая, 30 версть—легко сказать, неравно на волковъ наскочишь“.

Я легъ на дровни. Старикъ сѣлъ около моей головы и правилъ лошадыми, молодой—у моихъ ногъ, и мы поѣхали.

Свѣтлая лунная ночь. Лошади тихо бѣгутъ по сонной улицѣ. Нигдѣ ни огня. Деревня—какъ вымерла. Мы выѣхали за околицу. Потянулася бѣлая, однообразная равнина, окаймленная чернымъ лѣсомъ.

„Какъ тутъ одинъ поѣдешь? заговорилъ старикъ, продолжая начатый разговоръ. Вѣдь у насъ въ Расей на 30-то верстахъ пять деревень было-бы, а то и болѣ, тамъ можно одному ѣхать, а тутъ... Нѣтъ, никакъ невозможно. Вона какъ завываетъ, всю дорогу замело, а тутъ, слышно, волки бѣгали.“

— Да вы откуда? спросилъ я.

„Съ Расей-то? Да полтавскіе“.

— Какъ житье-то тамъ?

„Да житье-то немудренное. Плохое тамъ житье. Земли нѣтъ. Своего-то хлѣбушка до Рожества, бывало, не хватить, а тутъ что, тутъ благодать. Почитай, у каждаго и сейчасъ еще много въ снопахъ лежитъ не молочено. Сами ѣдимъ, да еще и продаешь малость. До новаго хватаетъ“.

— А тамъ?

„Ну, тамъ другое дѣло. На нашу семью по одной четверти десятины приходилось на душу. Чево тамъ“...

— Стало быть, здѣсь лучше жить?

„Окажемъ, что Сибирь не то, что Расей, по нечего Бога пѣвить. Тамъ хлѣбушка-то несѣяный ѣли, а тутъ сита мѣдная

позавели. Ну, да вѣдь и то сказать, хлѣбушка-то слава Богу есть, такъ получше хочется. Бабы только спервоначалу не могли привыкнуть здѣшній хлѣбъ печь, а теперь ничего, не хуже расейскаго... Но-но-но!.. не балуй!... крикнулъ онъ на лошадей.

— Давно переселились то сюда?

„Да лѣтъ, почитай, семь будетъ.“

Мы помолчали.

— Кто боленъ то? спросилъ я.

„Матка его“, отвѣтилъ старикъ.

— Какъ она жила то?

„Здѣсь то, аль въ Расей?“

— Да и въ Россіи, и здѣсь.

„Эхъ, батюшка, тутъ какъ разсказывать про нее, такъ... Но-о-о... Экъ ты!..“

— А что, худо что-ль жилось то ей?

„И не приведи Богъ, худо. Въ Расей-то они жили спервоначалу съ маткой только, отецъ-то ея, Ульяны то, матку то ево Ульяной звать, солдатъ былъ, убили въ Севастополь, когда съ туркой да агличанкой воевали. Эхъ, молодчина, сказываютъ, былъ. Надъ туркой все потѣшался. Кажинную ночь чего нибудь да упретъ у нихъ. Мой дядя тамъ былъ, такъ все это разсказываль. Сказываютъ, Государь тамъ былъ у нихъ, такъ ему крестъ на грудь повѣсилъ, а онъ ужъ тамъ въ больницѣ лежалъ, ноги ему дохтура отрѣзали. И радъ же онъ былъ, расплакался, какъ дите малое, какъ это Государь крестъ то ему прицѣпилъ. Умеръ онъ послѣ евова, а дядя тоже лежалъ тамъ, тотъ и сунуль ему этотъ крестикъ то, отдай дескать дочкѣ родительское благословенье, потому у него больше ничего и не было. Такъ баба то его и осталась съ дочкой махонькой, съ Ульяной-то, двоечко такъ и жили, ни родни, никого у нихъ нѣ было. Хватили онѣ тутъ горя то. Вдова такъ она вдова и есть—сиротская доля. Тошно было. Мать-то ину пору плачетъ, а эта то утѣшать ее начнетъ, не плачь, дескать, матуся, ничего... Богъ не выдастъ“

свинья не съѣсть. Такая дѣвка славная была, такъ... отдай все да и мало.

„Ну, тутъ вотъ братаникъ-отъ мой, Тихонка, и присмотрѣлся къ ней. Ну, извѣстно, оба молодые, полюбились другъ другу да и поженились. А тутъ какъ разъ и война подоспѣла, а у ней ребятишки, двое или трое никакъ было. Онъ ушелъ въ Турещину, а она опять осталась сиротой съ ребятишками. Сама то плачетъ, да и мать то ейная плачетъ, дескать, убьютъ, какъ батька. Поплакала—поплакала, да дѣлать нечего, ребятишки ѣсть хочуть и принялась снова работать. Прошелъ, должно, годъ, измучилась она, а мужъ-отъ, Тихонка-то, и воротился, да больной, и голова то у него перевязана, и руки прострѣлены, и ногу-то насилу волочить, заплакала пуще прежняго. Прохвораль онъ такъ года два, думали, совсѣмъ помретъ, да нѣтъ, поправляться сталъ, а хромать то и по сейчасъ хромаеть. И сколько у ней муки было, не приведи ты, Господи! Такъ кое какъ перебивались изъ кулька въ рогожку. Совсѣмъ обѣдняли. Ну, тутъ и вышло разрѣшенье въ Сибирь ѣхать, собрались да и поѣхали“.

— Ну, а здѣсь то какъ?

„Здѣсь то ладно было начали жить, нужды то хоть такой не видали, да вотъ ужъ война то убила ее. Въ прошлый то разъ не брали, потому Государемъ такъ было указано, чтобы не брали нашихъ, которые недавно пріѣхали, а теперь-то вотъ ужъ взяли. Да и такъ ужъ она предчувствовала что ли, все войны боялась подь конецъ то. Да и то сказать, вѣдь третья въ жизни. Да что и говорить, много она перетерпѣла на своемъ вѣку, много. А жалко, славная баба!“

— Много у ней дѣтей-то?

„Сыновъ то четверо, а дѣвокъ то должно три, ну да двѣ еще замужемъ.“

— А кто у ней на войну то пойдетъ?

„Да вотъ Нычипоръ, да еще Семка, да еще два зятя.“

— Четверо?

„Да, четверо„.

Мы замолчали. Я задумался. Откуда, думаль я, эта простая женщина, эта „славная баба“, какъ ее назваль старикъ Свиридь, откуда она могла почерпнуть такую силу, чтобъ перенести всѣ эти страданія. Что поддерживало ее? Что давало ей эту несокрушимую силу въ несчастіяхъ? Перенесетъ ли она и это новое испытаніе и что дасть ей силу перенести его?

Я лежалъ, растянувшись въ саяхъ, и, подь однообразный скрипъ полозьевъ, бѣгъ лошадей и унылые возгласы старика Свирида, погонявшаго лошадей, въ причудливыхъ очертаніяхъ освѣщеннаго луною чернѣющаго лѣса мнѣ грезилась бѣдная хата, въ которой умирала маленькая, худенькая, блѣдная старушка, измученная страданіями и тревогами жизни. Вѣра простая и дѣтская вѣра въ Бога и Его помощь еще свѣтилась въ ея потухавшихъ глазахъ, та вѣра, которая давала ей силу и твердость, съ которою она переносила свои страданія.

„Вотъ и пріѣхали“, заговорилъ Свиридь. Я поднялся. Было все также темно, но луны уже не было и только звѣзды кое гдѣ мигали въ небѣ. Изъ окна хаты свѣтился огонекъ. Я окинулъ взорами дворъ. Это былъ обыкновенный дворъ переселенца, не успѣвшаго устроиться на новомъ мѣстѣ. Незагороженный заборъ стоялъ какъ то сиротливо, тамъ и тутъ лежали бревна, оглобли, жерди, всюду солома.

Я пошелъ въ хату. Небольшая хата въ двѣ комнаты слабо освѣщалась маленькой керосиновой лампочкой съ закоптѣлымъ стекломъ. Стѣны, потолокъ, полъ были черны, какъ земля.

Двѣ женщины суетились около больной, которая лежала на лавкѣ въ переднемъ углу; на нее были навалены какія-то тряпки, изъ-за которыхъ мнѣ не видно было лица умирающей. Глухіе подавленные стоны, какой то тяжелой зловѣщей хрипъ вылетали изъ груди. Я подошелъ къ ней и увидѣлъ среди груди тряпокъ блѣдное, вытянувшееся лицо, на которомъ лежала печать безысходнаго горя, нужды и отчаянія. Большіе черные глаза ея горѣ-

ли предсмертнымъ огнемъ. Увидѣвъ меня, она слабо протянула ко мнѣ руки и тихимъ прерывающимся голосомъ заговорила: „Батюшка, кормилецъ... не могу... тяжело... охъ, какъ тяжело...“ Я благословилъ ее, взявъ за руку и сталъ утѣшать. Она смотрѣла на меня своими воспаленными глазами и жадно вслушавалась. Я говорилъ ей о страданіяхъ Христа, о подвигахъ самопожертвованія, о любви къ людямъ, о пути въ царствіе Божіе.

„Да, батюшка, хочу... заговорила она, хочу... причастите...“

Я поспѣшилъ исполнить ея желаніе. Исповѣдь продолжалась недолго. Нѣсколько успокоенная она ждала причастія и съ умиленіемъ, съ вѣрою и надеждою на Бога, положившись во всемъ на Его святую волю, она повторяла священныя слова: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую... сподоби мя неосужденно причаститься“.

Причастившись, она нѣсколько минутъ лежала спокойно, точно ангель мира пролетѣлъ и осѣнилъ ее своимъ крыломъ. Хрипа не было и только ея неровное дыханіе нарушало тишину. Но вотъ она начала дышать глубже, порывистѣе, сначала изрѣдка, а потомъ все чаще и чаще вылетали изъ груди хриплые звуки. Казалось, какой-то острый ножъ все глубже и глубже входилъ въ ея сердце, нанося ей одну ужасную, смертельную рану.

„Четверо, вѣдь... четверо, батюшка, заговорила она, на войну... Боже мой!“ и она, очевидно, зарыдала, такъ какъ грудь ея высоко подымалась; изъ груди вылетали отрывистые хриплые звуки. Она что-то говорила, но я не могъ разобрать, слышались только отдѣльныя слова: „на войну... убьютъ... отца... убили...“ Она забылась на нѣсколько минутъ. Опять наступила тишина. Все семейство было тутъ. Около меня стояли двое высокихъ и здоровыхъ мужиковъ,—это были ея дѣти—солдаты, отправлявшіеся на войну. Нѣсколько поодаль стояли другіе двое, тоже молодые и здоровые—это были ея два зятя—тоже солдаты.

Эта изстрадавшаяся женщина, перенесшая въ своей жизни такъ много горя, теперь, на смертномъ одрѣ терзалась мыслью, что четверо дорогихъ ея сердцу дѣтей поѣдутъ туда, гдѣ при

самомъ началѣ ея жизни погибъ ея отецъ, а въ срединѣ — изуродованъ мужъ.

Но должно быть сильна была эта женщина. Горькая, тяжелая жизнь, постоянная нужда и безысходное горе не убили въ ней крѣпкаго духа.

Она очнулась, подозвала къ себѣ дѣтей — солдатъ и сняла съ своей шеи крестъ и я, къ своему удивленію, узналъ въ немъ солдатскій Георгіевскій крестъ.

„Этотъ крестъ достался мнѣ отъ отца, сказала она, я всю жизнь носила его на шеѣ. Возьмите его и носите. Самъ-Царь — батюшка прицѣпилъ его на грудь вашего дѣдушки, потому что онъ служилъ ему вѣрой и правдой. Идите, идите, послужите, сладка смерть за него батюшку. Умрите, а сдѣлайте свое дѣло. За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“. И она надѣла его на шею одному изъ своихъ сыновей. Она устала отъ такой длинной рѣчи, упала на подушку и тяжело дышала, только большіе черные глаза ея горѣли рѣшимостью.

Но вотъ она закрыла глаза и забылась. Начался бредъ, но вскорѣ онъ прекратился и она лежала тихо и неподвижно.

Прошло нѣсколько минутъ. Изъ горла умирающей послышался легкій хрипъ. Ея грудь тяжело подымалась. Хрипъ раздавался все сильнѣе и сильнѣе. Ея глаза были закрыты. Одна изъ ея дочерей дала ей въ руки зазженную восковую свѣчу. Всѣ затихли. Началась предсмертная агонія. Я началъ читать отходную.

Хрипъ становился все тише, грудь ея вздымалась все медленнѣе и медленнѣе. Мертвая тишина нарушалась только хрипомъ умирающей да звуками моего голоса. Ни одного вздоха; казалось, все вымерло. Совершалось что-то необыкновенное и торжественное. Вдругъ она открыла глаза, обвела всѣхъ отуманеннымъ взглядомъ и сказала едва внятно: „Умираю... ой... молитесь...“. И она снова закрыла глаза и снова раздался тотъ же злобщій хрипъ. Глаза ея широко раскрылись. Она, быть можетъ, въ послѣдній разъ хотѣла взглянуть на близкихъ своему сердцу, но взглядъ

ей упалъ на потолокъ и вѣки безсильно опустились. Въ ея груди будто что то порвалось, она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и прижалась подбородкомъ къ груди. Изъ рта показалась пѣна. Она качнула головой по сторонамъ и открыла глаза. Въ ея взорѣ изобразился ужасъ. Глаза быстро закрылись. Она сильнѣе прижала подбородокъ къ груди, изъ рта снова вытекла пѣна, она какъ-то быстро вздрогнула всѣмъ тѣломъ, вытянулась и замерла. Пѣна ушла въ ротъ, глаза остались полукрѣтыми.

Страдающей матери не стало.

Но удивительно спокойнымъ и блаженнымъ было это блѣдное лицо со впалыми глазами. Казалось, никакія страданія не тревожили ее никогда и она спокойно отошла въ лучшій миръ, исполнивъ все, что могла, съ блаженной улыбкой на блѣдныхъ устахъ и съ вѣрой и надеждой на Бога.

Кругомъ раздался плачь. Я отслужилъ краткую литію и вышелъ.

Начинало свѣтать. Старый Свиридь уже дожидался меня. Мы сѣли и поѣхали обратно. Лошади тихо бѣжали. Я думалъ о только что видѣнномъ и слышанномъ. Передъ моими глазами стояла маленькая, худенькая женщина. Въ моемъ умѣ пробѣгала ея жизнь, какъ она, среди всѣхъ своихъ страданій, сохранила ясность ума, твердость духа, какъ она—эта маленькая, простая и, повидимому, слабенькая женщина съ такимъ мужествомъ переносила всѣ свои страданія, такъ твердо и мужественно умирала и такъ твердо и мужественно завѣщала умереть и своимъ дѣтямъ за Царя—Батюшку и Русь православную. И невольно предъ взоромъ моимъ вставали другіе *люди маленькіе слабенькіе* духомъ. Какая разница! Гдѣ ясность ума? Гдѣ твердость духа? Гдѣ любовь къ родинѣ? Гдѣ готовность пожертвовать всѣмъ дорогимъ для ея блага?

И понеслись передъ моимъ взоромъ вереницы людей съ искаженными отъ злобы и предательства лицами, и рядомъ съ ними, печально склонивъ голову, шла „она“, великая и спокой-

ная, многострадальная русская мать... И неужели это ея дѣти?
О, Русь, Русь! Куда ты несешься?...

3 февраля 1905 года.

Свящ. I. Благодатовъ.

2.

ПОЛНАЯ СВОБОДА СЛОВА.

„Не знаете, чего просите: можете-ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещеніемъ, которымъ Я крещусь?“ Мѡ. XX, 22.

Всюду нынѣ выражаются пожеланія и предъявляются требованія „полной свободы слова“.

Но что значить имѣть полную свободу слова? Это можетъ значить: имѣть возможность говорить безнаказанно и безъ стѣсненія все, что можешь говорить.

Но можетъ значить и иное: имѣть такое царственное состояніе духа, при коемъ человекъ тамъ, гдѣ должно говорить и то, что призванъ онъ, велѣніемъ разума, совѣсти и закона Божественнаго или государственнаго,—высказать, — выскажетъ, хотя бы за то обрушились на него всѣ бѣды міра, всѣ пытки изверговъ, весь позоръ позорящихъ; но также — смолчать тамъ и о томъ, гдѣ и о чемъ должно молчать, хотя бы всѣ, въ священномъ благоговѣніи, ожидали отъ него слова, готовы были превознести, окружить почтеніемъ, нѣжнѣйшею любовью и попечительностью, осыпать наградами, а за молчаніе грозилъ бы позоръ, поношеніе, заушенія и бѣдствія.

Можетъ ли считаться благомъ—возможность говорить безъ стѣсненія и безнаказанно все, что *желаютъ* люди говорить?

Но всегда ли люди желаютъ добраго? Мы знаемъ, что бываютъ желанія и нечистыя, желанія корыстныя, желанія злодѣй-

скія, желанія безумныя, и всё они могутъ вызыватьъ слово; но когда говорится слово безъ стѣсненія и безнаказанно развратителемъ, корыстолюбцемъ, убійцею и безумцемъ для достиженія ихъ желаній, то слово приноситъ или развратъ, или грабежъ и убійство, или безуміе. Несомнѣнно, чувство подавленнаго желанія — неприятное чувство, и корыстолюбецъ и развратитель не могутъ быть довольны, когда преграждается путь ихъ слову; но неужели же должно приходиться съ сочувствіемъ и помощью въ ихъ желаніяхъ изъ-за того, что неосуществленіе ихъ желаній вызываетъ въ нихъ страданіе? Если мы любимъ добро и ненавидимъ зло, мы боремся со зломъ, стараемся подавить, уничтожить его, и расширяемъ пути для всего добраго. Мы не можемъ уничтожить всего зла въ мірѣ, какъ не можемъ совсѣмъ остановить и злого языка; но мы обязаны, по мѣрѣ силъ и возможности, уничтожать, бороться, стѣснять зло, и потому ни единый человѣкъ, носящій въ сердцѣ и умѣ своемъ сѣмена добраго, не можетъ и не долженъ ни желать, ни помогать въ осуществленіи такой „полной свободы слова,“ при коей всё имѣли бы возможность безнаказанно и безъ стѣсненія говорить *все, что ни пожелаютъ*: съ языкомъ болтливымъ, лживымъ, клеветническимъ, коварнымъ, злымъ и преступнымъ нужно бороться и стѣснять его, какъ и всякое зло.

Но, быть можетъ, только при полномъ обезпеченіи права и возможности говорить, что и когда ни *пожелаемъ*, можетъ говориться истина и должное?

Чтобы говорить истину и должное, нужно, во-первыхъ, *знать истину и понимать свой долгъ*; во-вторыхъ, нужно имѣть *желаніе говорить истину и покорность долгу*. Но имѣющіе возможность говорить, что желаютъ, всегда ли звають истину и понимаютъ долгъ? Всегда ли желаютъ истины и покоряются долгу? Вотъ — ни отъ кого и ни отъ чего независящій себялюбецъ не говоритъ истины о себѣ, а говоритъ то, что представляетъ его въ ореолѣ достоинствъ, совсѣмъ ему неприсущихъ; будучи золь, онъ

клеветою позорить своихъ враговъ; будучи корыстолюбивъ и жаденъ, онъ разною ложью старается обойти тѣхъ, отъ которыхъ ждетъ корысти: онъ говорить то, что ведетъ къ осуществленію его желаній, а желанія его злы и чужды истинѣ.

Быть можетъ, имѣя полную свободу и право говорить истину, мы непременно будемъ говорить истину хотя тогда, когда знаемъ ее и желаемъ?

Но вотъ — человекъ, имѣющій страстное, непреодолимое желаніе непременно приобрести себѣ чью-либо любовь, свое слово невольно, вопреки желанію, скрашиваетъ лестью, рѣчь дѣлаетъ вкрадчивою,

„И въ сердцѣ льстець

Всегда отыщеть уголокъ“ (Басн. Крыл.),

даже въ сердцѣ, преданномъ истинѣ, ищемъ, желающемъ ея; малодушный, при всемъ желаніи, никогда не дерзаетъ выступить съ правдивымъ, но огорчительнымъ, словомъ противъ своего благодѣтеля, или противъ лица, имѣющаго надъ нимъ власть, или могущаго упрочить или поколебать его благосостояніе.

Такимъ образомъ, имѣя полное право на полную свободу слова, мы *не можемъ* пользоваться полною свободою слова: свободный сынъ истины, любящій и преданный истинѣ и вполне покорный ей, не можетъ ею пользоваться потому, что слово его принадлежитъ *одной лишь истинѣ*; имѣя полную возможность или право говорить и истину, и ложь, онъ *не можетъ* говорить лжи: слово его не свободно, и онъ *какъ бы рабъ* истины. Лжець, льстець, корыстолюбець, имѣя такую же полную свободу слова, не могутъ говорить истины и правды, ибо — рабы лжи, лести, корыстолюбія.

Но, быть можетъ „полная свобода слова“ требуется на случай, когда люди знаютъ, желаютъ и могутъ говорить истину и правду?

Когда измѣнникъ передаетъ непріятелю о состояніи укрѣплѣ-

ній, о военной силѣ, о военныхъ и другихъ средствахъ своего государства,—онъ говоритъ истину; когда только что начавшему поправляться послѣ тяжкой болѣзни неожиданно и внезапно сообщаютъ о постигшемъ его страшномъ бѣдствіи, когда объ ошибкахъ, недостаткахъ и промахахъ близкихъ говорятъ не тѣмъ, кого желаютъ исправить, но на площадяхъ и базарахъ,—говорятъ правду: но никто, не желающій быть злодѣемъ для своей рѣдипы или убійцею своего близкаго, не желающій позорить его честнаго имени, не скажетъ *этой* истины или *этой* правды въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ,—не скажетъ самъ, воспрепятствуетъ говорить и другимъ, ибо и истину и правду слѣдуетъ говорить лишь тогда и тамъ, когда и гдѣ *можно* или *должно* говорить.

„Какъ ни приманчива свобода,

Но для народа

Не менѣй гибельна она,

Когда разумная ей мѣра не дана“ (басн. Крыл.).

Право на *полную* свободу слова и не нужно для истины и *она не даетъ* истинѣ и долгу торжества въ жизни: право говорить истину и должное, какъ вполне очевидная аксіома, и безъ того признано законодательствомъ почти всѣхъ народовъ, но въ странахъ, гдѣ граждане малодушны, гдѣ царствуютъ страсти и пороки, гдѣ царитъ мракъ невѣжества, право это не вносить въ жизнь ни капли добра, и хотя бы каждая страница законовъ этихъ странъ начиналась съ провозглашенія права гражданъ говорить истину, ее никто не станетъ говорить, потому что никто не знаетъ, что это за истина, и никому она не нужна, и никто не осмѣлится ее защищать; изъ-за выгоды, корысти, малодушія—въ такихъ странахъ—можно натравить на любого носителя истины цѣлую толпу жадныхъ корыстолюбцевъ и трусовъ, и гдѣ люди съ совѣстью и честью находятъ невозможнымъ долѣе нести обязанностей, на ихъ мѣсто кидаются сотни душъ продажныхъ; и писанный законъ объ истинѣ, правѣ и долгѣ остается мертвою буквою, ибо въ жизни царитъ иной законъ: законъ страстей и алчности.

Но тамъ, гдѣ каждый гражданинъ, обладая просвѣщеннымъ умомъ, готовъ лучше умереть, нежели допустить попрасть свои священные права, никто не дерзнетъ на нихъ посягнуть, хотя бы ничего писаннаго о нихъ и не было.

Что подавляетъ свободу?—законы? власти? Нѣтъ, но страсти и малодушіе! Что даруетъ свободу? Просвѣщеніе, соединенное съ мужествомъ и нравственною свободою.

„Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ не былъ онъ;
А вору дай хоть миллионъ,
Онъ воровать не перестанетъ“ (басн. Крыл.).

Не перестанетъ воровать, не перестанетъ лгать, обманывать, извращать истину и преслѣдовать носителей ея. А всякая страсть и пристрастіе дѣйствуютъ подобно этому вору.

Такъ, значить, не нужно и писать законовъ?

Я не говорю этого: Божескіе и человѣческіе законы нужны и не только въ сердцѣ, но и въ хартіяхъ; но въ самомъ понятіи—„законъ“—заключается уже понятіе объ ограниченіи свободы, а нынѣ требуютъ „полной свободы;“ затѣмъ—безъ знанія и разумнѣннѣ законовъ, безъ подчиненія имъ сердца и воли—писанный законъ имѣетъ цѣну векселя банкрота.

„Полная свобода слова“! Вотъ въ нашихъ захолустныхъ городкахъ мальчишкамъ предоставлена „полная свобода“ писать по заборамъ любое „слово“: и что же они пишутъ! Но что же способенъ при „полной свободѣ слова“ сказать или написать вполне уже закоренѣлый злодѣй, грабитель и развратникъ?

Очевидно, не этой „полной свободы слова“ нынѣ желаютъ и просятъ, но „полной свободы слову“ честному, правдивому, слову истины, разумно произносимому во время свое. Если такъ—добраго дѣла просятъ; только „не знаютъ, чего просятъ“: „можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещеніемъ, которымъ Я крещусь,“—„полная свобода слова“ есть плодъ высокаго нрав-

ственного совершенства, полного самоотверженія, полной свободы отъ всѣхъ земныхъ пристрастій, полной готовности каждую минуту отрѣшиться отъ самой жизни своей за слово истины и правды и совершенной полноты въ познаніи истины. Не усыпана розами и не сладка свобода эта: „лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя — гнѣзда“, а обладающій „полною свободою слова“ „Сынъ Человѣческій не имѣетъ — гдѣ приклонить свою голову“ (Матѹ. VIII, 20). Но, впрочемъ, возможно пріобрѣсть и эту свободу; только никто изъ смертныхъ дать ея не можетъ, и лишь—„если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете“. (Іоан. VIII. 36).

Василій Абаимовъ.

Г. Мимусинскъ, Енис. г., Лъкарск. ул., д. № 29.

22 марта 1905 года.

3.

Церковныя реформы.

Въ послѣднее время всеобщее вниманіе привлекаетъ вопросъ о церковной реформѣ. Возникновеніе этого вопроса и его развитіе въ административныхъ сферахъ представлено въ періодической печати въ такомъ видѣ.

По окончаніи въ особомъ совѣщаніи комитета министровъ разсужденій по вопросамъ о положеніи сектантства и иновѣрія, предсѣдатель совѣщанія С. Ю. Витте обратился къ членамъ его съ краткою рѣчью, въ которой ярко отѣнилъ ту несомнѣнную мысль, что теперь, когда Высочайшею волею будетъ дана свобода иновѣрію,—Православной Церкви, стѣсненной тяжелой опекой свѣтской власти, будетъ затруднительна борьба съ расколо-сектантствомъ; что, остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія Православной Церкви, „особое совѣщаніе“ взяло бы на свое душой тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерью—Православной Цер-

ковью. Не надо забывать, говорилъ С. Ю., что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы, есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одно—это земля и то „небольшое“, что онъ отъ нея получаетъ, другое—его живая „вѣра“, которая облегчаетъ ему тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишить народъ этого, самаго дорогого для него сокровища*).

Рѣчь предсѣдателя вызвала живое сочувствіе у членовъ совѣщанія и особенно у представителя Церкви—Высокопреосвященнаго Антонія. Послѣ того, какъ во взаимной бесѣдѣ Высокопреосвященный изложилъ предсѣдателю совѣщанія „требованія и чаянія церковной іерархіи“, подъ непосредственнымъ руководствомъ С. Ю. была составлена краткая записка „О современномъ положеніи Православной Церкви“, представляющая собою сводъ мнѣній выдающихся канонистовъ, современныхъ церковныхъ дѣятелей и профессоровъ духовныхъ академій о „характерѣ и каноническомъ достоинствѣ церковной реформы Петра Великаго“; авторъ записки констатируетъ не-каноническій характеръ реформы Петра I и ея неблагоприятное вліяніе на послѣдующую церковную жизнь.

Главная мысль записки и ея выводъ—тотъ, что со времени насильственной, совершенной по протестантскимъ образцамъ, реформы Петра, церковь русская въ своей канонической жизни порвала связь съ церковнымъ преданіемъ, что отъ этого глохнетъ религіозная жизнь. Не желая вести реформу бюрократическимъ путемъ, С. Ю. совершенно воздержался въ запискѣ отъ проектовъ какихъ-либо реформъ, настаивая только на одномъ, на созывѣ помѣстнаго собора, на разсмотрѣніи котораго и долженъ быть представленъ вопросъ о церковной реформѣ.

---

*) Изъ письма протоіерея Орнатскаго, помѣщеннаго въ „Новомъ Времени“ отъ 31-го марта, видно, что при этомъ С. Ю. Витте заявилъ, что „онъ имѣетъ *Высочайшее указаніе* обсудить вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ строѣ управления русской православной церкви, которыя обезпечивали бы за нею значеніе господствующей въ государствѣ церкви. Это важно отмѣтить въ виду появившихся статей,—правда немногихъ,—гдѣ духовенство за возбужденіе вопроса о церковной реформѣ обвиняется чуть не въ „бунтъ“.

Параллельно съ этимъ подъ руководствомъ Высокопреосвященнаго Антонія наличнымъ составомъ канонистовъ и профессоровъ церковной исторіи и гомилетики с.-петербургской духовной академіи былъ выработанъ рядъ пунктовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви (самый текстъ этого документа печатается ниже). Представители академической науки и церковной власти, какъ можно судить по намѣченнымъ ими для предварительнаго обсужденія церковной реформы въ особомъ совѣщаніи комитета министровъ пунктамъ, сошлись въ своемъ отношеніи къ современному церковному строю съ предсѣдателемъ особаго совѣщанія.

Какъ и слѣдовало ожидать, духовенство съ радостью отозвалось на извѣстіе о предстоящихъ церковныхъ реформахъ. Въ запискѣ представителей петербургскаго столичнаго духовенства („Церковный Вѣстникъ“, № 11) говорится ясно и опредѣленно слѣдующее:

„Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы Церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю помощь своему голосу. А для этого она должна *возвратить себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ каноновъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности.* Только Церковь свободная въ исповѣданіи полноты своего самосознанія, во внутреннемъ строѣ своемъ, въ служеніи слова своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ своихъ и всего ей ввѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся Церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную сыновне-чистую вѣру въ себя и вполне обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія. Въ этой свободѣ Церковь можетъ только пребывать, сохраняться, но жить, вліять, дѣйствовать такъ, какъ свойственно ей по ея природѣ, она не можетъ“.

Для проведенія необходимыхъ реформъ въ области церковна-

го управленія авторы записки признають компетентнымъ только помѣстный соборъ русской Православной церкви. Духовные члены Синода единогласно одобрили эту идею. Соборъ рѣшено созвать въ текущемъ году для обсужденія реформъ въ области управленія дѣлами первенствующей Церкви и для выбора патріарха.

Исходнымъ пунктомъ предстоящаго церковнаго преобразованія или—лучше сказать—возвращенія къ древнимъ канонамъ является несомнѣнно вполне вѣрное признаніе, что Церковь въ государствѣ есть самостоятельный духовный организмъ, который не можетъ управляться подобно разнымъ отраслямъ государственнаго управленія—вѣдомствамъ или министерствамъ, но который долженъ жить и развиваться по своимъ внутреннимъ началамъ и законамъ. Это признаніе необходимо не только по убѣжденію самой Церкви, которая признаетъ своимъ главою и правителемъ самого Бога, но и съ точки зрѣнія государства, потому что Церковь тогда только можетъ быть нравственною опорою государства и имѣть благотворное вліяніе на его членовъ, когда она живетъ своею самостоятельною жизнью, когда ея силы не истощаются и не искажаются давленіемъ другихъ вѣншихъ силъ. У Церкви и у государства различныя задачи: область Церкви—религіозно-нравственное воспитаніе людей по идеаламъ вѣчной жизни, область государства—внѣшняя охрана людей и устройство общественнаго быта въ его временномъ земномъ состояніи. Каждая сила должна дѣйствовать въ своей области и своими особыми средствами, не мѣшаясь въ чужую область и не противодѣйствуя другой силѣ.

Конечно, при примѣненіи этихъ общихъ началъ къ нашей русской церковной жизни, никто изъ пастырей Православной Церкви не пожелаетъ того, чтобы государственная власть въ Православной Россіи совершенно отстранялась отъ Церкви и была совершенно безразлична къ интересамъ ея. Православная Церковь всегда готова была признавать христіанскихъ государей своими защитниками, покровителями, своими первыми сынами,—только не главами. Ученіе о человѣческомъ главенствѣ надъ Церковью,

возникшее на западѣ, опровергается православной Церквію, какъ ересь. Какъ отъ своего преданнѣйшаго сына, защитника и покровителя, Церковь всегда готова принимать отъ Государя и по своимъ церковнымъ дѣламъ всякія изъясненія мнѣній и желаній и исполнять ихъ, — само собою разумѣется, если то не противорѣчитъ божественнымъ законамъ, составляющимъ основаніе церковной жизни. Далѣе. Какъ высшій блюститель интересовъ государства во всѣхъ отношеніяхъ, Государь можетъ имѣть и особеннаго полномочнаго представителя, наблюдающаго за тѣмъ, чтобы со стороны Церкви, — или точнѣе, — со стороны церковной администраціи не было какихъ-либо вторженій въ область государства или нарушенія его интересовъ. Но этимъ и должно ограничиваться значеніе такого уполномоченнаго. Онъ долженъ быть прокуроромъ-наблюдателемъ со стороны государства за дѣйствіями Православной Церкви, но отнюдь не начальникомъ Церкви, заправляющимъ ея внутреннею жизнью.

Итакъ, внутреннее управленіе дѣлами Церкви должно быть безусловно предоставлено самой Церкви. Характеръ этого внутреннего самостоятельнаго церковнаго управленія вполне ясно опредѣляется исторіею Церкви, опредѣляется самымъ названіемъ, какое даетъ себѣ Церковь въ своемъ исповѣданіи вѣры. Характеръ управленія въ Церкви, называющей себя *соборною*, долженъ быть *соборный*. Соборы сослужили великую службу Церкви уже въ древнія времена. Великое дѣло предстоить имъ и въ наше время, когда такъ много вопросовъ въ области церковной жизни ждетъ себѣ вполне компетентнаго разрѣшенія. Организція соборовъ — дѣло будущаго, но и теперь уже можно высказать пожеланіе, чтобы на соборѣ имѣли своихъ представителей и міряне — народъ православный. Нѣтъ никакихъ основаній противодѣйствовать такому участию мірянъ; напротивъ, нужно желать этого въ интересахъ Церкви, въ цѣляхъ болѣе полного осуществленія идеи Церкви, болѣе многосторонняго развитія церковной жизни. Церковь состоитъ не изъ одного духовенства, но и изъ мірянъ; устранять послѣднихъ

изъ участія на соборѣ значило бы нарушать идею Церкви, подражать папизму съ его стремленіемъ предоставить всю полноту церковной власти и все вліяніе на церковныя дѣла только духовенству. Такое устраненіе мірянъ отъ участія въ соборахъ повело бы за собою только усиленіе того охлажденія къ Церкви и дѣламъ ея, которое и теперь уже замѣчается въ значительной части нашего общества.

Предсѣдателемъ на всероссійскомъ церковномъ соборѣ долженъ быть старѣйшій пастырь церковный—патріархъ. Только патріаршая власть можетъ дать правильное средоточіе, твердую опору для широкаго и правильнаго развитія совѣщательнаго соборнаго начала. Нѣтъ основанія опасаться того, что съ возстановленіемъ патріаршества могутъ возникнуть у Церкви столкновения съ государствомъ. Не таковъ вообще духъ православной Церкви, чтобы отъ нея можно было ожидать смуты для государства. Частный примѣръ п. Никена слишкомъ исключителенъ и не убѣдителенъ. Вся исторія русской церкви (напр. время м. Алексія) убѣждаетъ въ томъ, что патріархъ будетъ не противникомъ государственной власти, а постояннымъ представителемъ за Церковь предъ этою властью. Ему должна быть предоставлена для этого широкая возможность непосредственнаго доступа къ Государю (какъ это было въ древней Россіи и въ древней Греціи); и чѣмъ ближе будутъ отношенія между высшими представителями церковной и государственной власти, тѣмъ больше пользы будетъ и для Церкви, и для государства.

Только при возстановленіи древняго каноническаго строя Русской Церкви возможны и другія широкія реформы и улучшенія въ церковномъ управленіи и вообще церковной жизни. А такихъ реформъ предстоитъ не мало, потому что слишкомъ много вреда принесло 200-лѣтнее зависимое положеніе Церкви. Укажемъ хотя бы на судьбу нашего старообрядчества. Не обрядовыя различія, не то или иное начертаніе или толкованіе церковныхъ текстовъ, главнымъ образомъ, мѣшаютъ единенію съ Церковью старообрядцевъ,

а именно антиканоническія отступленія и неустройства церковной организаціи... Приди же скорѣе желанный часъ обновленія!

(Орл. Еп. Вгд.)

4

Какъ смотреть на происходящія теперь въ Россіи событія выдающіеся дюдн нашего времени.

Въ „Courrier Européen“ появилось на-дняхъ большое письмо графа Л. Н. Толстого, въ которомъ маститый писатель даетъ оцѣнку настоящему положенію Россіи.

Письмо это заслуживаетъ глубочайшаго вниманія русскихъ людей. Вотъ существенныя выдержки изъ него.

„Всѣ усилія тѣхъ, кто желаетъ усовершенствовать общественную жизнь, могутъ быть осуществлены однимъ единственнымъ путемъ—внутренняго религіозно-нравственнаго усовершенствованія отдѣльныхъ личностей.

Зло, которое терпитъ народъ отъ беззаконій, всегда пропорціонально религіозному и нравственному уровню общества, независимо отъ того, въ какую форму выльется это общество.

Однако, нѣкоторые люди, видя все зло, которое творитъ наша бюрократія, думаютъ, что все горе въ томъ, что наше русское правительство не организовано такъ, какъ, по ихъ мнѣнію, ему слѣдуетъ быть организованнымъ, т. е. по образцу другихъ правительствъ. И для того, чтобы поправить горе, эти люди примѣняютъ всѣ средства, имѣющіяся въ ихъ распоряженіи, воображая, что измѣненіемъ внѣшнихъ формъ можно измѣнить и сущность.

Такого рода дѣятельность я считаю несвоевременной, неразумной, неправой—въ томъ смыслѣ, что эти люди присваиваютъ себѣ права, которыхъ не имѣютъ,—и вредной.

Несвоевременной я считаю эту дѣятельность потому, что борьба съ насиліемъ и, вообще, путемъ внѣшняго (а не только ду-

ховнаго) воздѣйствія, борьба небольшой кучки людей съ могущественнымъ бюрократическимъ правительствомъ, съ точки зрѣнія возможности успѣха, только смѣшна, а съ точки зрѣнія несчастныхъ обманутыхъ людей, гибнущихъ въ этой неравной борьбѣ — прискорбна.

Я считаю эту дѣятельность неразумной потому, что, даже допустивъ самое невѣроятное, т. е., что тѣ, кто теперь борется съ установленной властью, восторжествуютъ, — положеніе народа отъ этого не улучшится.

Теперешній гнетъ общество терпитъ только потому, что оно состоитъ изъ нравственно слабыхъ людей, изъ которыхъ иные, движимые честолюбіемъ, алчностью, гордостью и не обуздываемые своею совѣстью, всеми мѣрами стараются захватить и удержать за собою власть, между тѣмъ какъ другіе, изъ страха, а также подъ влияніемъ алчности, тщеславія или отупѣнія, помогаютъ первымъ и подчиняются имъ.

И сколько бы такіе люди ни мѣнялись мѣстами, въ какія бы формы они ни организовались, все-таки власть ихъ будетъ гнетущей.

Я считаю такую дѣятельность неправой потому, что тѣ, кто теперь въ Россіи ведетъ борьбу — либеральные земцы, доктора, адвокаты, писатели, студенты и нѣсколько тысячъ недовольныхъ рабочихъ — люди, оторванные отъ народа, называющіе и считающіе себя представителями народа, — не имѣютъ права на это званіе. Отъ имени народа они подаютъ петиціи, требуя свободы печати, свободы совѣсти, свободы собраній, отдѣленія церкви отъ государства, восьмичасоваго рабочаго дня, народнаго представительства и т. д. Но спросите народъ, массу, миллионы крестьянъ, что они думаютъ объ этихъ требованіяхъ, и настоящій народъ, крестьяне, не будутъ знать, что вамъ отвѣтить, такъ какъ эти требованія свободы печати, собраній, отдѣленія церкви отъ государства и даже восьмичасоваго рабочаго дня для остальной массы крестьянства не представляютъ никакого интереса.

Крестьянству этого вовсе не нужно. Ему нужно другое—то, чего онъ такъ долго ждетъ и жаждетъ, о чемъ постоянно думать и говорить, о чемъ ни единымъ словомъ не упоминается во всѣхъ либеральныхъ рѣчахъ и петиціяхъ и лишь мимоходомъ упоминается въ программахъ социалистовъ-революціонеровъ,—ему нужно и важно только общинное владѣніе землей. Когда у него не будутъ больше отнимать земли, дѣти его не станутъ ходить „на фабрики“, а если и пойдутъ, то ужъ сами установятъ для себя и рабочіе часы, и рабочую плату.

Говорятъ: дайте свободу и народъ самъ заявитъ свои требованія. Это неправда. Въ Англіи, Франціи и Америкѣ существуетъ сравнительная свобода печати, но вопросъ объ общемъ правѣ всей націи на землю отодвинутъ на задній планъ.

Поэтому либералы и революціонеры-реформаторы, составляющіе программы народныхъ требованій, не имѣютъ права считать себя представителями народа: они представляютъ только самихъ себя.

Итакъ, по моему мнѣнію, указанная выше дѣятельность—несвоевременная, неразумная и неправая. Кроме того, она и вредна, ибо отвлекаетъ людей отъ той единственной дѣятельности—правственнаго усовершенствованія отдѣльныхъ личностей—при помощи которой, и только ея одной, могутъ быть достигнуты цѣли, преслѣдуемая ведущими борьбу.

Говорятъ: одно не мѣшаетъ другому. Но это неправда. Нельзя дѣлать двѣ вещи заразъ: нельзя нравственно совершенствоваться и въ то же время участвовать въ политическомъ движеніи, которое заставляетъ интриговать, хитрить, бороться, злобствовать, даже убивать. Политическая дѣятельность не только не способствуетъ освобожденію людей отъ гнета насилия, но, наоборотъ, постепенно дѣлаетъ ихъ все болѣе и болѣе неспособными къ той единственной дѣятельности, которая можетъ освободить ихъ. Пока люди не способны противостоять страху, отупѣнію, жадности, честолюбію и тщеславію, которыя порабащаютъ однихъ и развращаютъ

другихъ, они всегда будутъ соединяться въ общества, гдѣ одни прибѣгаютъ къ насилію и обману, а другіе терпятъ насиліе и позволяютъ себя обманывать.

Для того, чтобы этого не было, каждый человѣкъ долженъ сдѣлать надъ собою нравственное усиліе. Въ глубинѣ души люди сознаютъ это, но въ то же время имъ хочется какъ нибудь безъ усилія достигнуть того, что достижимо только при помощи усилія.

Выяснить себѣ свое отношеніе къ міру и твердо держаться его, установить свое отношеніе къ людямъ на основаніи вѣчнаго закона, повелѣвающаго поступать съ другими, какъ ты хочешь, чтобы другіе поступали съ тобой, побѣдить въ себѣ дурныя страсти, подчиняющія насъ власти другихъ людей, не быть ничьимъ господиномъ и ничьимъ рабомъ, не притворяться, не лгать, не уклоняться, ни ради страха, ни ради выгодъ, отъ исполненія вѣдннй высшаго закона собственной совѣсти — все это требуетъ усилія. Вообразить же, что установленіе извѣстныхъ формъ какимъ то мистическимъ образомъ приведетъ всѣхъ людей, въ томъ числѣ и самого себя, къ безусловной справедливости и добродѣтели, и для достиженія этого повторять опять таки безъ всякихъ усилій ума то, что говорятъ всѣ члены извѣстной партіи, — суесться, препираться, лгать, лицемерить, обманывать другъ друга, воевать — все это дѣлается само собою и не требуетъ усилія. Людямъ до того хочется, чтобы это было такъ, что они увѣряютъ себя, что это такъ и есть. И вотъ, возникаетъ теорія, доказывающая, что человѣкъ можетъ безъ усилія добиться плодовъ усилія. На такой же психологической иллюзіи основана и удивительная теорія объ усовершенствованіи общественной жизни путемъ измененія внѣшнихъ формъ, — теорія, вызвавшая и вызывающая такія ужасныя бѣдствія и болѣе всего другого тормозящая истинный прогрессъ человѣчества.

Люди признаютъ, что въ жизни ихъ что то неладно и нуждается въ исправленіи. Человѣкъ способенъ исправить только то

одно, что находится въ его власти—самого себя. Но для того, чтобы исправить самого себя, надо прежде всего признать свои недостатки, а этого то и не хочется. И потому все наше вниманіе направлено не на то, что всегда въ нашей власти—на насъ самихъ, а на тѣ внѣшнія условія, которыя не въ нашей власти и которыхъ измѣненіе такъ же мало можетъ улучшить жизнь людей, какъ встряхиваніе вина и переливаніе его въ другой сосудъ можетъ измѣнить его качества. Отсюда вытекаетъ: во первыхъ, бесполезная, во-вторыхъ, вредная, суетная (мы пытаемся исправить другихъ) и злая (убиваютъ тѣхъ, кто мѣшаетъ общему благополучію) развращающая дѣятельность.

„Мы перестроимъ общественныя формы и общество будетъ благоденствовать“. Хорошо, кабы такъ легко можно было дать людямъ благоденствіе! Къ несчастію или, скорѣе, къ счастью,—ибо если бы нѣкоторые могли устраивать по своему жизнь другихъ, то эти другіе были бы несчастнѣйшими людьми,—это *не такъ*: человѣческая жизнь мѣняется не вслѣдствіе измѣненія внѣшнихъ формъ, но лишь подъ вліяніемъ внутренней работы надъ собою каждаго человѣка. Всѣ же усилія вліять на внѣшнія формы или на другихъ людей, не измѣняя положенія этихъ другихъ людей, только портятъ и развращаютъ жизнь того, кто поддается этому гибельному заблужденію, какъ это дѣлаютъ всѣ политическіе агитаторы, короли, министры, президенты, члены парламента и всякаго рода революціонеры.

Люди легкомысленные, судя поверхностно, въ особенности подъ вліяніемъ возмущенія событіями, происходившими недавно въ Петербургѣ, и всѣми обстоятельствами, сопровождавшими ихъ, полагаютъ, что если существующая въ Россіи форма правленія будетъ замѣнена другою, то повтореніе такихъ событій станетъ невозможнымъ.

Но главное бѣдствіе, отъ котораго теперь страдаетъ русскій народъ, не петербургскія событія, а война, которая уже погубила и изувѣчила сотни тысячъ русскихъ и грозитъ изувѣчить и по-

губить еще больше. Война не только разорила и разоряетъ нашихъ современниковъ, но, кромѣ того, облагаетъ непомѣрнымъ налогомъ, въ видѣ долговъ, трудъ будущихъ поколѣній и губить души человѣческія, развращая ихъ. То, что происходило въ Петербургѣ 9 января, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ теперь. На войнѣ убиваютъ и калѣчатъ въ сто разъ больше народа, чѣмъ погибло на улицахъ Петербурга 9 января.

Война — вотъ страшное бѣдствіе. А петербургскія событія только случайность, сопутствующая этому великому бѣдствію, и если ужъ искать средствъ избавиться отъ бѣдствій, надо найти такое, которое бы устранило оба. Измѣненіе же государственнаго режима не избавитъ Россію ни отъ того, ни отъ другого. Всѣ конституціонныя государства наравнѣ съ Россіей непрестанно и бессмысленно вооружаются и посылаютъ свои народы на братоубійство. Абиссинская, Бурская, Испанская, Кубанская, Филиппинская, Китайская, Тибетская и разныя Африканскія войны — всѣ эти войны велись конституціонными и республиканскими правительствами. И эти правительства точно такъ же подавляютъ вооруженной силой, когда находятъ это нужнымъ, всякія возстанія и проявленія народной воли, которыя они считаютъ нарушающими законъ, — т. е. то, что они въ данный моментъ считаютъ закономъ.

Такимъ образомъ, значеніе петербургскихъ событій вовсе не въ исключительной зловредности нашей бюрократіи и необходимости замѣны нашего режима другимъ.

Въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и Германіи зловредность правительствъ такъ хорошо замаскирована, что ихъ народы указываютъ на событія въ Россіи, наивно воображая, будто такія вещи дѣлаются только въ Россіи, а что сами они пользуются полной свободой и ничего лучшаго имъ не нужно.

Отношенія, положенія и складъ ума народа и европейскихъ націй, въ особенности американцевъ, совершенно тѣ же, что у мытаря и фарисея, о которыхъ разсказывается въ евангеліи отъ Лу-

ки (гл. XVIII, ст. 10, 11, 13, притча о мытарѣ и фарисеѣ).“

А вотъ что въ соотвѣтствіи съ мыслями Толстого пишетъ въ „Русскомъ Словѣ“ извѣстный всей Россіи Ѡ. Плевако.

„Стыдно читать, какъ самыя примитивныя требованія морали въ общественныхъ отношеніяхъ нарушаются съ легкимъ сердцемъ, какъ будто бы ничего особеннаго тутъ и нѣтъ. Куда ни кинься, въ нашу адвокатскую дѣятельность, въ подвиги медиковъ, въ печать, въ работы техниковъ, въ область путей всѣхъ видовъ, въ организацію заготовокъ, въ благотвореніе, въ пастырскую дѣятельность,—вездѣ между словомъ и дѣломъ пропасть шире той, которая отдѣляла грѣшника отъ праведнаго Лазаря. А мы, мирные граждане, мы развѣ признаемъ право за великими принципами, за требованіями, вызываемыми состояніемъ даннаго времени, если они вызываютъ—не говорю къ подвигу, а—къ сдержкѣ въ тяжелые дни общественнаго горя. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ: мы готовы позлословить неудачниковъ, намекнуть на наше превосходство въ умственномъ состояніи надъ всѣми дѣятелями, неоправдавшими надеждъ общества; но отказать себѣ въ чемъ либо, что уменьшаетъ ширь нашихъ сластолюбивыхъ потребностей, что бедитъ наши сибаритскія привычки,—мы не хотимъ и не можемъ.

Не въ одной несостоятельности, отсталости, неповоротливости колесъ машины, которая везетъ насъ по волнамъ житейскаго моря,—объясненіе нашихъ бѣдъ и скорбей. Завтра кормчіи скажутъ намъ: попробуйте сами встать на мѣста слугъ моихъ; что же вы думаете, моментально все пойдетъ по милому, по хорошему? Нѣтъ, не пойдетъ. И тѣ, кто съ перваго же дня начнутъ восхищаться новымъ порядкомъ, будутъ изъ сонма тѣхъ же льстецовъ, которые губятъ родину. Намъ всѣмъ надо заглянуть въ себя, всѣмъ уловить въ самихъ себѣ, какъ наследственную болѣзнь, душевную лѣнь, ненависть къ воздержанію и всякому правилу и вѣчную подготовку къ нуждамъ момента. Всѣ мы собакъ кормимъ,

когда на охоту ѣдемъ, всё мы похожи на большинство нашихъ дамъ, мечущихся изъ угла въ уголь, когда онѣ собираются въ путь: ничего не додумано, нужнаго не собрано, впопыхахъ поправки дѣла вмѣсто одной вещи берется другая, находится одно и тутъ же теряется то, что было взято.

Самихъ себя сначала приготовить должны мы, пощеньемъ волю укрѣпить на подвигъ,—говорить Островскій устами Минина. А если мы, кирпичи общественнаго зданія, рыхлы и дряблы, какъ будетъ тверда воздвигнутая изъ нихъ стѣна храмины? При чемъ каменьщики, при чемъ архитекторы? Развѣ лишь при томъ ихъ вина, что не имѣли надзора? А если выбрать не изъ чего?

Самихъ себя сначала приготовить должны мы, повторяю чужое изреченіе. Не надо стыдиться быть русскими, не надо хопски восхищаться всёмъ чужимъ, а, признавая его по достоинству прекраснымъ, вѣрить въ свои способности усвоить его. Вѣра же наша должна состоять не въ легкомысленной самоувѣренности, которая сродни той лести, которая насъ портила, а въ трепетномъ сознаниі, что намъ некогда отдыхать, некогда забавляться утѣхами жизни, а надо работать и работать, работать день, работать ночь, чтобы добыть добрую славу, если не славу побѣдителей, то иную, быть можетъ, болѣе цѣнную славу—мудраго народа, не падающаго духомъ подъ ударами судьбы, но умѣющаго извлекать изъ нихъ уроки, дѣлающіе изъ него возрожденную, обновленную и усугубившую свои силы націю.

Совершается въ церквахъ чинъ православія. Ублажаютъ великое и святое и отрекаются отъ ложнаго, зловнаго и противнаго истинѣ (анаѳематствуя ее). Мнѣ нравится въ этомъ чинѣ одна молитва; я приведу ее цѣликомъ:

„Сотвори, да ненависти, вражды, обиды, *мздоимства*, клятвъ, преступства и прочія беззаконія прекратятся, *истинная любовь да царствуетъ* въ сердцахъ нашихъ“.

Присоединимся къ ней и скажемъ: да найдется въ объединяющей всѣхъ насъ любви къ родиѣ источникъ силъ и взаим-

наго довѣрія, да пошлетъ Міродержецъ потребныхъ ей людей, слугъ царя и земля, и да сгинетъ все то зло, которое обезсилило, исказило, умалило величавую фигуру нашего отечества и сдѣлало его предметомъ колкихъ насмѣшекъ враговъ его“.

(Смол. Еп. Вѣд.).

Мастерская

художественной промышленности

Георгія Ивановича Козлова.

Принимаетъ заказы всякаго рода живописи и иконописи по полотну, дереву, цинку, стеклу и по стѣнамъ Храмовъ.

Принимаетъ заказы иконостасовъ, кіотъ, рамъ, футляровъ, плащеницъ, налоевъ, золоченіе главъ и крестовъ.

Мастерская принимаетъ на себя составленіе проектовъ на постройку церквей и другихъ зданій, для чего исполняетъ по заказу всякаго рода чертежи и рисунки.

Принимаются заказы почтой. Адресъ: Красноярскъ
Песочная ул., собств. домъ.

Г. Козловъ.